

недугами. Но, думаю, сказывались причины и духовного, и социального порядка. В 2010-е годы он с возмущением и отвращением констатировал тревожные симптомы в общественно-политической действительности (в том числе и в период так наз. «первой каденции» действующего президента). Возможно, что, наблюдая неуклонную общую эволюцию, осмысляя обрушившиеся на него и на всех нас новые реалии, он почувствовал и осознал, что возможность остаться самим собою предоставляет только психологический статус «внутреннего эмигранта», — и попытался стать таковым. Что и как обдумывал и оценивал он в последние месяцы своей жизни на ее восемьдесят пятом году? Как знать?

Уильям Миллз Тодд III

Джон Малмстад в американской академической жизни

За свою почти пятидесятилетнюю научную карьеру Джон Малмстад обрел международную известность благодаря своей обширной подвижнической работе по сохранению наследия русского модернизма — корпуса литературных текстов, мемуаров и переписок, которые на протяжении десятилетий не могли быть опубликованы в Советском Союзе. Вероятно, ни один иностранный ученый не опубликовал столько книг и статей в России и на русском языке. Многие из них выходили в престижных сериях и журналах, таких как «Библиотека поэта», «Литературное наследство», «Новое литературное обозрение». Вероятно, он был известен российским читателям и специалистам по русской литературе больше, чем читателям на его родном языке. Из двадцати семи его книг лишь немногие были опубликованы на английском: выполненный в соавторстве перевод романа «Петербург» Андрея Белого, удостоенная премии биография Михаила Кузмина (написанная совместно с Николаем Богомоловым), сборник статей об Андрее Белом, а также подготовленный в соредакторстве фestsриффт в честь Владимира Маркова. Почти половина его статей была опубликована на иностранных языках, в основном на русском. Все эти работы отличались научной значимостью и взыскательностью.

Научный талант Джона Малмстада и его личная повестка не вписывались в традиционные рамки американской академической деятельности. В эпоху, на которую пришлась его карьера, американские литературоведы, в том числе слависты, как правило, пренебрегали биографическими исследованиями и архивными разысканиями, уделяя больше внимания литературной теории, интерпретации отдельных произведений, характеристике крупных течений и анализу общих тем. Джон практически не участвовал в деятельности американских научных ассоциаций и избегал их крупных ежегодных собраний. Однако он сыграл значимую роль в двух учреждениях, в которых работал: Колумбийском университете (1968–1985) и Гарвардском университете (1985–2015). Для меня было большой честью быть его студентом в первые годы его работы

в Колумбийском университете и коллегой в Гарварде. Он стал моим близким другом и коллегой, которого я глубоко уважал.

Американские частные университеты возникли на основе двух европейских моделей: немецкого исследовательского университета, где основной упор делается на научную деятельность профессорско-преподавательского состава, и английских университетов (Оксфорд, Кембридж), где профессора живут, работают и общаются в непосредственной близости от студентов и аспирантов. Джон познакомился с этой гибридной моделью, будучи студентом Северо-Западного и Принстонского университетов. Хотя он начал свою преподавательскую карьеру в необычно молодом возрасте двадцати семи лет, он смог быстро адаптироваться к научным и педагогическим требованиям крупного исследовательского университета. В отличие от большинства литературоведов он охотно преподавал начальные курсы русского языка, используя эту возможность для совершенствования своего понимания русской грамматики. Для студентов он проводил годичный курс по русской литературе с чтением текстов на английском языке, а для аспирантов вел семинары по своим любимым поэтам, среди которых были Александр Блок, Андрей Белый, Иннокентий Анненский, Михаил Кузмин и Владислав Ходасевич. Будучи независимым в своих взглядах и не боясь противостоять кафедральным авторитетам, он активно поддерживал аспирантов в их стремлении заменить некоторые требования программы по исторической лингвистике на более углубленное изучение постсредневековой литературы. Для нас, его студентов, было интересно наблюдать, как этот одаренный и блестящий литературовед справлялся со сложностью своего предмета. Его семинары всегда оставались *work in progress* — их питала любовь к русской поэзии, смелость интерпретаций и стремление к живой, плодотворной дискуссии. В то же время мы восхищались той энергией, с какой он погружался в бурную художественную и музыкальную жизнь Нью-Йорка, прежде всего в деятельность «Нью-Йорк Сити балет», которая под руководством Джорджа Баланчина продолжала и развивала глубокую традицию русского танца.

Джон переехал в Гарвард в 1985 году и проработал там тридцать лет. Как старший профессор, он должен был не только продолжать свои исследования и преподавать студентам и аспирантам, но и играть активную роль в управлении департаментом славистики и факультетом искусств и наук. Он с энтузиазмом взялся за эти обязанности и включился в общественную жизнь университета.

Он пришел на кафедру славистики Гарварда в момент смены поколений и в 1989 году был назначен ее заведующим, пробыв в этой должности шесть лет. Выдающиеся старшие профессора (Всеволод Сечкарев, Кирил Тарановски, Альберт Лорд, Омелян Прицак) уходили на пенсию, и Джон вместе с оставшимися коллегами занимался назначением новых преподавателей, которые представляли различные критические и теоретические подходы к русской литературе и культуре, которые ему самому не были близки: культурную семиотику, социологию литературы, теорию нарратива, гендерные исследования, историю рецепции, деконструкцию. Он организовал на кафедре коллоквиум по литературе и возглавил литературный семинар в Центре по изучению русистики. Высокие стандарты, обширные знания и здравый смысл Джона в итоге привели его к должности заместителя декана, ответственного за координацию назначений старших преподавателей во всех областях гуманитарных наук.

Джон был глубоко привержен идеалам либерального образования, которое в Гарварде реализовывалось в виде лекционных курсов, предназначенных

для непрофильных бакалавров. На протяжении многих лет он был членом комитетов, которые отбирали подходящие курсы для старших преподавателей. Неутомимый исследователь, он вкладывал постоянные усилия в пополнение библиотечных фондов и состоял в нескольких библиотечных комитетах. Он был активным членом Центра по изучению русистики (сейчас Центр Дэвиса), который продвигал изучение России и Советского Союза из различных дисциплинарных перспектив. Под его влиянием Центр по изучению русистики приглашал ведущих ученых из бывшего Советского Союза для проведения исследований и чтения лекций в Гарварде. Некоторые из них сотрудничали с ним в научных публикациях.

Несмотря на всю важность административных дел и на то, что он выполнял их с полной отдачей, все-таки самая важная его работа в Гарварде проходила в лекционных аудиториях. Он опирался на свои курсы в Колумбийском университете, расширив охват и наполнив их своей любовью ко всем формам искусства, которая сопровождала его всю жизнь. Наиболее известным и влиятельным стал, безусловно, его масштабный курс по русскому авангарду, который ежегодно привлекал более ста пятидесяти студентов. Курс отличался тщательно подготовленными и элегантно выстроенными занятиями по литературе, изобразительному искусству, музыке, музыкальному театру, архитектуре и кинематографу. Аналогичным образом он расширял и свои семинары для магистрантов и аспирантов — например, семинар по русскому символизму, — включая в них анализ других художественных форм. В подготовку этих курсов он вложил годы напряженной работы, и ее плоды находили продолжение в его многочисленных статьях, посвященных взаимодействию литературы с другими искусствами — прежде всего живописью и балетом.

Как преподаватель Джон был радушен к тем, кто только начинал знакомство с русской культурой, и вместе с тем требователен к продвинутым студентам, настаивая на той же скрупулезности в исследовательской работе, какой отличался сам. Немногие могли соответствовать столь высокой планке, но для тех, кому это удавалось, он превращался в наставника на всю жизнь — многие из них впоследствии заняли ведущие позиции в американском академическом сообществе. В дни после его ухода многие писали нам, делясь теплыми воспоминаниями о его преподавании и поддержке.

В последние годы своей работы на факультете Джон постепенно сократил преподавательскую и административную нагрузку в Гарварде, трудясь над завершением крупных исследовательских проектов, посвященных Андрею Белому, Михаилу Кузмину и русскому модернизму. Он и выстраивал свой график соответственно — так, чтобы как можно больше времени проводить во Франции и в России. Тем временем молодые ученые, которых он учил и пригласил работать на факультете, были готовы продолжить его дело. Мы с теплотой вспоминаем его дружбу и товарищескую щедрость, многочисленные встречи в кругу коллег и семейные праздники, которые он разделял с нами, а также культурные события, на которые мы ходили вместе с ним.

21 февраля 2026 г.
Кембридж, штат Массачусетс

Перевод с английского Арсения Никонова